

Никита Бичурин

# Описание религии ученых



Никита Бичурин  
**Описание религии ученых**

«Public Domain»

1848

**Бичурин Н. Я.**

Описание религии ученых / Н. Я. Бичурин — «Public Domain»,  
1848

«Конфуцианство тем отлично от других религий, даже от восточных, что те, в сравнении с ним, все же имеют некоторое сходство с западными, так что невольно рождается вопрос: религия ли это? Этот вопрос мы лучше всего решим из рассмотрения происхождения конфуцианства, или, лучше сказать, всякий может решить по-своему, потому что у всякого может быть свое понятие о религии...»

© Бичурин Н. Я., 1848

© Public Domain, 1848

## Содержание

В. П. Васильев «Конфуцианство»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

# Никита Яковлевич Бичурин

## Описание религии ученых

*Я верю в древность.*  
*Конфуций*

### В. П. Васильев «Конфуцианство»

Конфуцианство тем отлично от других религий, даже от восточных, что те, в сравнении с ним, все же имеют некоторое сходство с западными, так что невольно рождается вопрос: религия ли это?

Этот вопрос мы лучше всего решим из рассмотрения происхождения конфуцианства, или, лучше сказать, всякий может решить по-своему, потому что у всякого может быть свое понятие о религии.

Если религия, говоря вообще, старается почерпнуть и свои силы, и свое оправдание в древности, то тем более конфуцианство, претендующее на свое происхождение одновременно с началом китайской нации, почитаемой самою древнейшею в мире, есть религия по преимуществу. Древность играет такую же важную роль в человеческом сердце, как и самая религия, даже служит ее основанием. При всем нашем новейшем превосходстве над древним миром, мы все еще ищем тайн в глубокой древности, не только для объяснения истории человечества, но даже в области физической природы, – кажется, что эта археологическая привязанность и служит причиной антагонии между наукой и религией.

Конфуцианство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что сохраняет на себе тип древности; только в древнее время были хорошие образцы, совершенные люди. Не считая еще их ни богами, ни святыми, конфуцианство выставляет в пример нравственности и самого лучшего управления таких государей, каковы были Яо, Шунь, Вань: Тан, Вэнь и У; при этих царях все было хорошо устроено; они правили спустя рукава; каждое их изречение, даже простое восклицание, есть комментарии на всю жизнь, закон для будущих веков. Понятно, что такой взгляд весьма плохо может гармонировать с прогрессом, но очень хорошо поддерживает неподвижность; кажущееся развитие будет не более как разработка однажды принятых начал, и всякий умственный труд в этой рамке будет еще больше лишать ум свободы; то, что в известное время, при известном умственном уровне общества, казалось высокою интеллигенцией, со временем набрасывает на это общество покров мрака и невежества. Религии Востока, как ни широк был их первоначальный район, не дали человечеству той свободы, которую дала на Западе Библия; кроме единобожия, в учении о Мессии заключалась другая великая идея – допущение обновления принципов, следовательно, даже перемена их. Религии Запада, говоря сердцу, не охватывали вопросов, касающихся науки, просвещения: поэтому последнее и могло развиваться; религии Востока вышли из школы, были сначала простым учением, и потому, на какой степени стояла наука в то время, когда она превращалась в религию, на той степени она и должна была остановиться.

Мы здесь не можем подробно распространяться о древности китайского народа; хотя нам, собственно говоря, эта древность китайцев безразлична, но все же многим, привыкшим к вере на слово в первые рассказы, станет жалко убедиться, что эта древность имеет в себе столько же исторического за 1000 лет до Р. Х., сколько исторического, для этой же эпохи, представляет и Греция. Замечательно, что везде – чем народ позже составлял свою историю, тем к большей древности он возносит ее начало. Китайцы времен Геродота еще знали только своего Девкалиона – Яо (за 2357 лет); позже, во втором веке до Р. Х., Сыма-цян уже вводит

Хуанди (за 2697 лет), позднее является Фу-си (за 2952 лет); наконец, еще позже древность считается уже миллионами; индийцы – те так знают даже прежние периоды мироздания.

Но откуда почерпнули свои исторические сведения китайцы? Какие остались памятники их древности, какие книги свидетельствуют о ней? Во-первых, заметим, что письменность настоящая, а не воображаемая изобретена была только за восемь веков до нашей эры, то есть несколько не раньше того времени, как она, за исключением загадочных надписей египтян, является и на Западе. Спрашивается, каким образом могли сохраниться рассказы о том, что было в продолжение почти двух тысяч лет до изобретения письма. Предания? Но мы знаем, что предания и у новейших народов, когда им даже можно справиться у других соседей, представляются в смешении. Много ли нынешние монголы знают о Чингисхане? Знает ли русский народ о том, что было до Петра, да, пожалуй, и при нем?

Является письменность, – является и настоящая история. Чунь-цю, Весна и Осень, вот первая действительная летопись Китая, в которой события обозначаются шаг за шагом, а она начинается только с 723 года до Р. Х. Вглядитесь в язык этой летописи – это язык сжатый, небрежный, едва понятный, едва отступающий от знаков, которыми хотели обозначить события, когда вбивали гвозди в Капитолии. Это самое доказывает, что начало летописи недалеко отошло от времени изобретения письменности. Надобно знать свойства китайской письменности, ее трудность для выражения понятий, самую медленность процесса письма или выковыривания букв ножом на бамбуковых дощечках, чтобы понять, что Чунь-цю, в самом деле, принадлежит древности. От этой сжатости, неточности или набрасывания кое-как мыслей недалеко отступает и самый язык писателей, живших уже после Конфуция; следовательно, китайской письменности трудно было сформироваться. Что же мы узнаем из этой первой исторической летописи? То, что ядро китайской нации, или – так как трудно даже определить, что такое тогда была собственно китайская нация – та власть, которая подчинила себе часть будущей китайской нации, зародилась, может быть, действительно, на запад от юго-восточного изгиба Хуан-хэ, но вскоре перенесла эту власть восточнее, как мы застаем ее уже в исторические времена; государи этой китайской нации воинственны, они распространяют свою власть во все четыре стороны, потому что всюду встречают народы, живущие без всякой связи, сами по себе. Но и гораздо позже этого мы узнаем из этой же самой истории, что все-таки владения китайские были вовсе не так обширны, как представляется нынешний Китай и как хотят представить Древний Китай толкователи и фабрикатеры преданий; на востоке эти владения далеко не доходили до моря, на севере не касались даже нынешней столицы Китая, Пекина, на юге – об знаменитом Ян-цзыцзяне, на котором стоят известные ныне Нань-кин и Хань-коу, не было еще и помину; запад всего более представляет отпор; оказывается, что китайской власти принадлежали только несколько окрестностей изгиба Хуан-хэ, и власть эта, благоприятствуемая течением Хуан-хэ, всего грознее надвигалась на восток, как бы и в то время уже доказывая, что запад сильнее востока. Нет сомнения, что во всем нынешнем Китае и за границами его все уже было занято, заселено, может быть, я враждовало между собою; можно даже допустить, что не все принадлежало одному племени, но в этом огромном пространстве первый почин исторического объединения принадлежит той династии, которую мы застаем в Китае при начале ее летописи.

Скажут, что, кроме этой летописи, китайцы имеют еще другую историю: Шу-цзин, которая начинается именно с того Яо, который жил за 2357 лет до Р. Х. Она говорит, что после Яо и его преемника Шуня до настоящей династии были еще две другие, не менее знаменитые. Тот же Конфуций, сочинивший, или, лучше сказать, списавший летопись Весна и Осень, составлял и этот Шу-цзин, – он мог иметь исторические данные. Но прежде всего что такое Шу-цзин? Китайцы сознаются, что эта книга была истреблена при Цинь-ши Хуанди; потом, когда стали ее отыскивать, нашли 80-летнего старика Фушена, который знал, выучил эту книгу наизусть в молодости, когда еще не было на нее гонения. Но они же говорят, что старик бормотал так, что

его понимала только его восьмилетняя внучка. Она-то, эта безграмотная, конечно, девочка, служила переводчицей между своим дедушкой и посланным к нему ученым, который происходил совсем из другой провинции, в которой была другая речь и, конечно, другая письменность, так как уже после того, как Фушен выучил Шу-цзин, Ли-сы, министр истребителя книг (но, собственно говоря, не более как Шу-цзина), составил общую письменность для всей объединенной тогда империи. Желали бы мы знать, каким образом можно списать со слов книгу, язык которой так сжат и темен, когда и ныне китаец не может понять ни одной письменной книги, не имея ее перед своими глазами. Каким образом со слов Фушена могли написать правильно собственные имена? Какая горькая ирония слышится против всей древности в этом рассказе. Так вот почему мы плохо и знаем, – как бы хотят сказать китайцы, – свою древнюю историю; но мы все же хотим ее знать, во что бы то ни стало, от кого бы то ни было, и знать так, как нам хочется. Впоследствии, спохватившись, что книги со слов списать было нельзя, китайцы отыскали в стене собственного Конфуциева дома письменный Шу-цзин, спрятанный им самим еще при своей жизни; книга была будто написана особенным, не известным дотоле почерком, который, если бы существовал действительно, должен был бы сохраниться в других книгах и не мог бы никому быть до того времени не известным. Прежде всего является вопрос: почему не дошло списков с этого памятника? Китайцы уже и тогда занимались археологией; притом, на что похож рассказ, что в неизвестном почерке (его называют головастиковым) сумели разобрать только те главы, которые были списаны со слов Фушена, и убедились в их сходстве? Ведь если столько глав было уже прочитано, то те же иероглифы встретились бы, за немногим разве исключением, и в остальных. И всему этому верят добродушные китайцы, равно как верят тому, что Конфуций мог предвидеть гонение и спрятал в стену дома сочиненную им книгу и что этот дом простоял несокрушимо несколько столетий, тогда как в Китае, от тамошнего климата, все так быстро разрушается. Чунь-цю не пропала, а Шу-цзин погиб: как могло это случиться, если бы действительно существовала такая древняя история Китая? Сам рассказ о сожжении книг не был ли выдумкою последующих конфуцианцев, которые стыдились древних своих мараний, как устыдились Цзя-юй (домашние изречения Конфуция) и подменили его Лунь-юй'ем (афоризмы Конфуция); конфуцианцы были недовольны Цинь-ши Хуанди за то, что он не им поручил правление; следующая династия охотно распускала и допускала клеветы на того, у преемников которого она отняла престол. И все последующие династии также всегда старались унижить предшествовавшие им царствования. Династия Мин не поцеремонилась скрыть от своих подданных, как обширны были владения преемников Чингисхана, которых она сменила. Что же мудреного, что Цинь-ши Хуанди приобрел печальную известность, которой вовсе не заслуживал, благодаря только изворотливости конфуцианцев?

Но допустим, что дошедший до нас Шу-цзин был действительно написан Конфуцием. Что же из этого следует? Во-первых, в нем нет последовательной, верной хронологии; во-вторых, его язык вовсе не носит следов отдаленной древности. Правда, он труден, но он более округлен, чем Чунь-цю; в то же время однообразен для всех тысячелетий, тогда как китайцы, несмотря даже на первую фразу книги об Яо: «Если говорить о древнем государе Яо»... хотят уверить нас, что главы Шу-цзина были писаны при тех государях, о которых они трактуют, так как при самом Яо были уже историографы, которые обязаны были записывать все изречения и действия своего государя. Но положим, что так как Шу-цзин был обделываем Конфуцием, то он и мог получить однообразную форму языка, – оттого он и имеет более сходства с афоризмами философа, собственным его учением, чем с летописью Чунь-цю. Но посмотрим содержание Шу-цзина. Позднейшая летопись Чунь-цю кое-как отмечает события, а древняя история о событиях говорит мало, а содержит в себе изречения древних государей, их разглагольствования с министрами, их жалобы, клятвы, сентенции; в одном месте (Хун-фань) чуть не излагается метафизика и этика. Возможно ли допустить, чтобы древняя история была полнее новой?

В каком виде представляется Китай по Шу-цзину? Прежние династии захватывают его весь почти в нынешнем виде; в нем, при них, то девять, то двенадцать провинций, которые, несмотря на подчинение правителям, в то же время принадлежат десяти тысячам владетельных князей. Шунь и Юй, ближайšie преемники Яо, уже далеко перешагнули на юг от Ян-цзыцзян'а. Вышеупомянутый Хуанди, с которого начинается историю Сы-ма-цян, хотя и живет прежде Яо, но действует не иначе как в окрестностях нынешнего Пекина, а эти окрестности, в поздние исторические времена, еще были в руках Жунов и Ди, не признававших власти Китая.

Однако же, на каком же основании, скажут, составилаь такая история? Мы думаем, что разгадки надобно искать в той же достоверной истории династии Чжоу. Воинственная династия, расширив свои владения, должна была и защищать их. Она поставила на своих границах маркграфов – Хоу, которые, с уполномочия или без уполномочия своих государей, стали расширять свои уделы и расширили их до такой степени, что стали сильнее самих своих государей. Соблюдая еще внешнюю покорность, они старались приобретать влияние при дворе, и это давало другим повод к соперничеству. Между тем власть государя все более и более падала. Маркграфы, превратившиеся в князей, однако, не были настолько сильны, чтобы соединить все владения Чжоу под одну власть; им угрожали и инородцы, которых они хотели покорить. Так, на первых еще страницах летописи, северные варвары разрушили даже один сильный удел, лежавший на северо-востоке от Хуан-хэ, тогда протекавшей в Чилийский залив. На юге инородцы составили даже, по образцу китайскому, сильное владение, которое хотело захватить влияние над китайским двором. Князья, с одной стороны, чтобы защититься от варваров, с другой – чтобы не быть притесненными собственными государями, стали составлять сеймы, на которых издано было много замечательных постановлений. Власть над сеймами часто долго удерживалась в одном уделе, а потом, по мере его ослабления, переходила в другой. Прежде было много уделов; теперь число их сокращалось все более и более, и наконец когда остались сильные уделы, то система сеймов кончилась. Всякое владение стремилось не только к самостоятельности, но и хотело поработить другие. Что же мудреного, что при этом стремлении всякий захотел вывести свою родословную как можно выше, хотя, по приводимым у Сыма-цян родословным, число колен почти все одно и то же – что от современников Хуанди, что от Яо или от Чэн-тана (1783 года). Итак, каждое владение хотело право силы подкрепить еще правом происхождения. Вы происходите от Чжоу, – мог сказать удел Вэй или Сун другим князьям, – а мы от предшествовавшей вам династии Инь. – А мы от династии Юй, в наших пределах жил сам Яо, стал распускать легенды удел Цзинь. – В наших царствовал сам Хуанди, утверждал Янь. Кроме того, один и тот же факт исторический мог передаваться различно в различных царствах и относиться к различным эпохам. Так, например, и Яо, и Тан, живший после него спустя более 500 лет, основатель династии Шан, называются одним именем (хотя иероглифы и не похожи). Так, мы выше сказали, что первый зародыш Чжоуской династии полагается на запад от юго-восточного изгиба Хуан-хэ. За 780 лет до Р. Х. там царствовал будто Ю-ван – государь злой, мучивший честных вельмож и князей, преданный своей любовнице, от которого и пала западная Чжоу. То же мы видим в истории двух предшествовавших династий, и они точно так же падают при злых государях-мучителях, подпавших под власть женщин; даже имена последних государей династий Ся и Шан смешиваются, и имена женщин также созвучны.

Конечно, от Конфуция нельзя и требовать, чтобы он мог разобрать эту путаницу. Он мог встретить составившиеся уже до него рассказы и увлечься ими; или, слыша разнообразные рассказы, подумал, что надо принять различные династии, различных государей. Сверх того, это как нельзя более входило в его планы. Как историк и древний, он еще более нынешних хотел вознестись в древность; как философа, его не могла удовлетворить пошлая действительная история летописи, не представлявшая ни одного великого образца, наполненная братоубийственной войною, постоянными интригами, самыми бессовестными коварствами; подлыми изменами. Только в уста великих монархов древности мог он вложить высокие идеи нравствен-

ности. Вот что значат диалоги Шу-цзина. Это последнее значение его не изменяется, если мы почтем его составленным еще позднее, потому что когда его стали отыскивать, по истреблении Цинь-ши Хуандием, то ведь ученые имели в виду угодить оказавшей им покровительство Ханьской династии старанием утвердить ее власть; и вот Шу-цзин, с одной стороны, укрепляет монархическую власть, а с другой – внушает ей уважение к представителям своих идей. Допуская последнее, легко можно уже допустить, каким образом в Шу-цзин попали рассказы об Яо и Шуне, напоминающие имена Ноя и Сима, сказания о потопе, о трех династиях в pendant<sup>1</sup> трем царствам – Ассирийскому, Вавилонскому и Сирийскому. Что конфуцианские книги обдывались и доделывались, даже после открытия западных стран, мы имеем на это многочисленные намеки. Но верить ли непременно, что Китаю стал известен Запад только со времен У-ди (140-86)? Тут опять не династическая ли проделка? Притом, официально многое и не в Китае узнается гораздо позже, чем знают частные лица; довольно указать, что в Китае книгопечатание было известно с VI века, а правительство стало пользоваться им только в X столетии; что магометанство существовало в Китае прежде Чингисханидов, а китайская история и не думает о нем упоминать по настоящее время. Если китайские товары проникли на Запад прежде официальных сношений с ним китайского двора, то почему же и идеи и легенды Запада, которому мы придаем такую энергичную силу, не могли проникнуть на Восток, хотя в обмен на эти товары? Есть одно обстоятельство, которое подтверждает нашу догадку, – индейцы называют Китай Чина или Чжина (откуда *Shine*, Хина); но это было название династии (Цинь), царствовавшей в Китае за сто с лишком лет до открытия Запада.

---

<sup>1</sup> соответствии (фр.). – Примеч. ред.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.